

А. В. Шауб демобилизовался и начал работать вместе с отцом (который в это время являлся архитектором ряда промышленных предприятий), но вскоре, 13 апреля 1926 г., был арестован органами ОГПУ. Вместе с ним арестовали и его жену. Супругам вменяли в вину связь с заграницей: в 1922–1923 гг. семья Шауб получала продуктовые посылки из Латвии от родителей жены, причем часть посылок передавалась через латвийское консульство. Этого было достаточно, чтобы обвинить супругов по статье 58, п. 10 и в мае 1927 г. приговорить к пяти годам лагерей каждого.

Наказание А. В. Шауб отбывал в 4 отделении СЛОИ (Соловецкого лагеря особого назначения).

После освобождения из лагеря 18 октября 1930 г. он был на 3 года выслан в Вологду, где работал чертежником-конструктором в Вологодской строительной конторе. В это время (в 1931 г.) распался его брак с В. К. Асмус.

После того, как 1 октября 1933 г. А. В. Шауб получил право свободного проживания на территории СССР, он вернулся в Ленинград, где устроился на службу в трест «Ленпроект» на скромную должность чертежника. Тем не менее, уже к сентябрю 1939 г. он дослужился до и. о. архитектора и и. о. старшего инженера Планового отдела. По службе А. В. Шауб характеризовался с исключительно хорошей стороны, как дисциплинированный, добросовестный и инициативный работник. Однако фотографии тех лет запечатлели образ усталого, рано состарившегося и сломленного судьбой человека.

А. В. Шауб погиб в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г. (тогда же и там же умерла и его мать) и был похоронен в общей могиле на Серафимовском кладбище.

Н. Н. Калинина

МОЯ ЖИЗНЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Калинина, Нина Николаевна, Почетный профессор СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Kalitina, Nina Nikolaevna, Honorary Professor SPbSU, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation,

Моя жизнь в университете
My University Life

Аннотация: Публикация Н.Н. Калининой (1926–2018) (текст 2016 г.) носит автобиографический характер. Н.Н. Калинина вспоминает о семи десятилетиях творческой, научной работы на историческом факультете (Институте истории СПбГУ). Автор размышляет как о влиянии семьи на профессиональную жизнь, так и влиянии своей работы, творчества на собственную семью.

Abstract: Paper of N.N. Kalitina (1926–2018) (text of 2016) has an autobiographical character. N.N. Kalitina remembers the seven decades of creative research in the History Department (Institute of History, SPbSU). The author reflects on the influence of the family on professional life, and the impact of his work, creativity on her own family.

Ключевые слова: Н.Н. Калинина, Санкт-Петербургский университет, Ленинградский университет, семья и работа

Keywords: N.N. Kalitina, St. Petersburg University, Leningrad University, family and work

Я проработала на историческом факультете ЛГУ–СПбГУ 70 лет, и работа эта была мне в радость, несмотря на то, что не все и не всегда складывалось гладко, но это были

счастливые годы, наполненные творчеством, поиском, дерзанием. Это были годы замечательных встреч с удивительными людьми — в стенах университета. Я — типичный «трудоголик» советской эпохи и не вижу в этом ничего обидного или же постыдного. Так получилось, что работа стала главной в моей жизни, подчинив себе и семью, и увлечения. Вернее будет сказать, что вся моя семья жила моей работой, и увлечения определялись, в первую очередь, ею.

Почему так получилось? Я никогда как-то об этом не задумывалась — задумываться было некогда: я просто работала, просто жила. Но сейчас, с высоты своих лет, я невольно обозреваю мысленным взором прожитую жизнь и думаю, что это было неслучайно.

Основы заложила СЕМЬЯ. Мои родители были далеки от профессионального занятия искусством — оба были физиками, но они умели трудиться и с детства привили это умение мне. Мой отец говорил: «Трудись честно и много. Это гениальные люди могут в минуты озарения совершать перевороты в науке. Мы же, не гении, добиваемся результатов своим повседневным упорным трудом». И я трудилась, в своем, детском понимании. Учила французский язык с «живой» француженкой, позже занималась немецким, ходила в Эрмитажный школьный кружок, отлично успевала в школе — все это помогло мне в жизни в дальнейшем, так как с малолетства выработалась привычка к труду. Параллельно я много читала, в том числе и на иностранных языках, — дома было неплохое собрание книг, и я рано переступила порог Публичной библиотеки и БАН. Уже в студенческое время моим «вторым домом» стала Научная библиотека Эрмитажа. Со школьных лет я вела «Читательский дневник», я училась конспектировать, кратко, грамотно излагать свои мысли. Надо сказать, что все выше перечисленные занятия я выполняла не натужно, не из-под палки — мне нравилось учиться, и это стало залогом того, что впоследствии я с увлечением погрузилась в работу.

Конечно, не следует представлять дело таким образом, что абсолютно любая работа мне нравилась. Так, я всегда хотела заниматься историей западноевропейского искусства, а долгие годы как начинающий педагог читала курсы лекций по истории искусства народов СССР. Были в моей работе и моменты более «прозаические»: я читала лекции ради заработка — на заводах, предприятиях, в школах. Долгие годы была лектором Общества «Знание». Но и в этих случаях я никогда не допускала халтуры: я старалась не просто хорошо прочесть материал, но и узнать что-то новое — от общения с людьми. Порой мне задавали самые неожиданные вопросы, но я не припомню ни одного недоброжелательного. Что же касается курса «Искусство народов СССР», то я использовала представившуюся мне возможность для более глубокого знакомства с культурой народов наших союзных республик. Ярчайшее впечатление оставила, например, поездка в Армению.

Но, конечно, главной моей поездкой была годичная стажировка во Франции. 60-е годы прошлого века. «Железный занавес». «Холодная война». И вдруг — такое... Я вызывала вначале удивление, позже подозрение, а в конечном итоге уважение наших спецслужб за границей тем фактом, что в Париже, этом источнике всевозможных соблазнов, просиживала днями в музеях, библиотеках и архивах, но, в конце концов, «там» поняли: мне интересно, я расту как ученый. Однако кабинетным ученым я никогда не была и не стремилась быть, и ту же Францию изъездила вдоль и поперек. Впоследствии я посетила Францию еще 12 раз — на разное по продолжительности время и с разными

целями, но та годовичная стажировка стала главной, она определила все, снабдив меня бесценным научным багажом, — так родились мои книги.

Кафедра истории искусств исторического факультета ЛГУ–СПбГУ жила в мои университетские годы интенсивной, творческой жизнью: мы выступали на конференциях, оппонировали диссертантам, растили собственных кандидатов и докторов наук, писали статьи, учебники и монографии, читали лекции, проводили семинары и занятия в музеях. Кафедра всегда активно участвовала в общественной жизни факультета и шире — университета в целом, укрепляла связи с другими факультетами гуманитарного профиля, прежде всего, философским и филологическим. Был у нас и совместный «кафедральный досуг», но обо все этом я уже писала в других своих статьях.

Конечно, у каждого из нас, членов кафедры, были и свои собственные интересы, не связанные с коллективным времяпрепровождением. И, в первую очередь, это была семья. Направленность данной статьи не позволяет мне особенно углубляться в этот вопрос, скажу только, что я очень любила и ценила свою маму, Глафиру Никандровну, взвалившую на себя все бремя бытовых проблем и позволившую мне много времени и сил уделять любимой работе. Любила я и своего мужа, Кирилла Венедиктовича, имевшего техническую специальность, но с которым у меня было много общего. Он прекрасно играл на фортепиано (и мы с ним часто посещали Филармонию), писал стихи (многие из которых он посвятил мне), рисовал (сохранились его дружеские шаржи), много читал (и не только по своей специальности, но и художественную литературу). А главное — он тонко чувствовал изобразительное искусство, и многие, связанные с моей искусствоведческой работой мероприятия, мы посещали вместе. Он также хорошо относился к моим коллегам, рад был видеть их у нас дома, а с некоторыми даже сдружился. Мне немножко обидно, что в нашей семье бытовало мнение, что я была плохая мама, и что Танюша моя была «бабушкиной внучкой». Это не совсем так. Конечно, я уделяла дочери меньше внимания, чем бы мне хотелось, но я, например, очень любила ходить и ездить с ней на прогулки. Причем, они были как ближними (например, по нашему району или в Таврический сад), так и более дальними. Я показывала маленькой Танюше мои любимые места в пригородах Ленинграда — Павловск, где прошло мое детство; Пушкин, где я родилась; Петергоф — мы ездили любоваться фонтанами. Конечно, я много гуляла с Татой по воейковским местам, где мы с 1951 по 1961 г. снимали дачу, а с 1961 г. уже имели свой собственный дачный дом. Не могу сказать, чтобы моего ребенка в детстве как-то особенно впечатляла красота дворцов и парков наших знаменитых пригородов. А вот воейковскую природу Тата любила с малолетства — мы вместе с дочкой собирали гербарий, позже коллекцию бабочек; девочка больше всего любила читать книги о природе и животных (особенно Виталия Бианки), она готовилась стать энтомологом. В период Таниного отрочества и юности я уже не была так близка с ней, как в ее детские годы, и здесь, конечно, многое было упущено. Однако могу сказать, что Таня моя всегда знала всех моих кафедралов, жила моими кафедральными новостями. И то обстоятельство, что она стала филологом-универсантом, во многом было связано с опосредованным влиянием моей работы, моей специальности, которое было неослабевающим во время всех ее школьных лет.

Важной составляющей нашей кафедральной досуговой жизни были совместные экскурсионные поездки. Они могли быть самого разного толка — от однодневных экскурсий в Тихвин, Новгород, Ивангород и т. п., до совместного многодневного путешествия. Но мне бы хотелось выделить те поездки, которые как бы носили полулюбительский-

полупрофессиональный характер. Они соединяли в себе просмотрово-ознакомительные элементы и глубокий научный искусствоведческий подход и осмысление увиденного. Памятников архитектуры, дворцовых интерьеров, садово-парковых ансамблей, старинных крепостных сооружений, археологических находок.

Наиболее запоминающиеся из поездок были с Михаилом Константиновичем Каргером. Михаил Константинович собирал обычно среднюю по размеру группу — в нее входили не только педагоги нашей кафедры, но и другие сотрудники исторического факультета. Ехали на день, реже на два (так было, например, во время поездки в Новгород — мы ночевали в гостинице). Поездки эти осуществлялись в конце 50-х годов прошлого века, и их было, насколько я помню, всего где-то не более пяти-семи, потом это хорошее начинание заглохло. Но то, что совершилось, и в чем и я принимала участие, оставило неизгладимый след в памяти. Кажется, больше подобных «экскурсий» тогда на факультете не проводил никто.

На примере этой небольшой статьи я хотела показать, как РАБОТА может определить буквально ВСЕ в жизни человека, если это работа интересная, творческая и, конечно же, любимая. Моя специальность — искусствоведение — всегда представлялась мне самой прекрасной на свете, и я пыталась передать эту свою любовь своим ученикам, призывая их трудиться с полной отдачей сил. Ученики были мне благодарны. Не побоюсь сказать, что в какой-то мере мне была благодарна и моя семья. И в особенности, моя дочь, которой я, смею надеяться, сумела привить умение видеть прекрасное не только в искусстве, но и в жизни.

2016 год, Санкт-Петербург

М. А. Шибает

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ПОЛУУСТАВНОГО ПИСЬМА

Шибает, Михаил Алексеевич, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, m.shibaev@spbu.ru
Shibaev, Mikhail Alekseevich, associate professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation, m.shibaev@spbu.ru

Спорные вопросы развития русского полууставного письма¹

Controversial issues of the Russian half-running hand (poluustav) development

Аннотация. В работе показывается, что тип письма, обозначаемый термином «полуустав», являясь ключевым элементом современных представлений в отечественной палеографии об эволюции письма допетровского времени, до сих пор не имеет четко детализированной картины возникновения и развития. Рассматриваются различные типы полуустава, отраженные в историографии. Автор приходит к выводу о необходимости отказа от представлений о существовании некоей целостной графической системы, которую можно характеризовать как русский полуустав. Высказывается гипотеза о том, что развитие отечественного книжного письма можно рассматривать как череду локальных, «пульсирующих» традиций часто в рамках одного поколения писцов.

Abstract. The paper demonstrates that the kind of writing that is referred to as “poluustav”, being a key element of modern ideas in the Russian paleography about the evolution of pre-Petrine writing, still does not have a clear detailed history of its origin and development. Various types of poluustav, reflected in historiog-

¹ Публикация подготовлена в рамках финансируемого РФФИ научного проекта № 16-01-00210-ОГН «Генезис „московского“ полуустава. Развитие русского полууставного письма в XV — первой половине XVI веков».